

ТЕАТР

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

Луначарский как-то в прошлом году, по поводу одного из пустейших московских спектаклей, защищал право нашего репертуара на откровенно легковесную, но веселую комедию и даже водевиль. Право советского гражданина на смех—несерьезный и без глубины—доказывал он—есть неотъемлемое и естественное после тяжелого напряжения в течение ряда лет, право, а потому он призывал не морщиться пуритански и аскетически на шутку, на комизм забавного, на сценяческий пустосмех. Можно поэтому радостно мириться с легкомыслием и шалостью, с чепухой и путаницей, если только они остроумны и смешны.

В таком плане и надо брать пусто-порожнюю комедию, с которой ничего другого не взять. Но комедия, которая хочет быть фарсом и фарсом, и комедией, и психологической драмой (как сами герои говорят про золотую клетку), оставляет впечатление потуг и претензий—невеселых и не острых.

В сущности эту историю об аристократе-журавле и купчихе-апле, которые никак не могут полюбить сразу оба одновременно, надо было рассказать как анекдот, как комический пустячек. Комическое несоответствие сердец и упрощение строптивости любовной игрой—очень старый и обычный стержень таких пьес.

Вместо этого автор (а за ним актеры)—расширил такие узоры во вкусе Вербицкой из фешенебельно-аристократической психологии, что пьеса утратила тон и стиль комедии. Герои все титулованные, светские у таких шизгарных писателей, тонкие аристократические ноздри графа нервно вздрогнули—и в таком стиле все. Острожский только одной бузвой отличается от Островского, но его комедия быта и нравов написана совсем другим алфавитом.

И актеры, вместо того, чтобы всмиче-

ски поговорить о странностях любви (иного комедия не смыслит разговора), отодвинули эти забавные странности, а вперед вынесли быт, психологию. Отсутствие комедийного тона, неземной, не-комический склад каждой роли, неумение или нежелание шутить—вот что испортило спектакль при самой искренней и добро-совестной передаче.

В главной роли (Ольферьева) Игоревая не нажала комедийной педали. Ее речь вся перенесена из драмы. Тот же нажим на звук, те же национальные, голосовые курьезы, выделяющие отдельные слова подчеркнута—реак и как-бы другим шрифтом, та же речь в разрядку—раздвинутыми, тоже чтоб подчеркнуть, звуками, замыкающимися свороговоркой, то же парадоксальное и нерусское ударение на частице не,—вообще не на логически и эмоционально центральных словах, а на максимально волевых. Все это мастерство, неожиданная и оригинальная склад сценической речи, многообещающий в пьесах большого напряжения, металлической силы и чеканного стиля, но главной черты комедийного жанра—непроизвольной легкости, текучести, воздушности фразы и тона здесь нет, а гробовой тон в пред-финальной сцене звучит уже в резонерском обаянии курьезно.

Васильев (Проскуров) при бедной и скудной мимике натянуто томичающего затруднения, при использовании всего двух трех интонаций, вообще—оставался все время вне роли, вне пьесы, какое-то голое амбула любовника.

Норский (Проскуров отец) из старика-аристократа сделал опереточного Воленюка из Сильвы. Вообще у него комизм сейчас переходит в опереточный тон и стиль. Эрина (Альцина) светскую кокетку и ветреницу обозначила комедийно, приблизительно и расплывчато, но верно.

Л. Выготский.

устан
ния
на мо
ми в

Муза

Бруна
Барто
Бапус
Свекл
Дув
Мясо
Масло
Молоко
Яйца
Масло

стоим
0ТЭ

Отр
жани
тина,
масла
слоты

Ос
ческо
следо
умер
ление
или
нием
и рас
строй
мы—
жени
ности
строй
ловы

Мн
запр
чрез
курен
равле

Согласно постановлению президиума губисполкома от 28 го сентября 1923 г. на 17 октября 1923 г. созывается

Пятый пленум губисполкома.

КИНО И М